

ственнымъ гусемъ, до того, что чуть не заболѣваютъ, и вынуждены распустить на себѣ одежду. Но и этого мало: гусь наполняетъ собою всю улицу, весь кварталъ. „Въ дверь, открытую настежь, смотрятъ на пиръ сосѣди, собравшіеся изъ всего квартала, и какъ бы присутствуютъ на свободномъ пиршествѣ... Запахъ гуся обдавалъ и восхищалъ всю улицу. Сидѣльцамъ изъ мелочной лавки казалось, что и они глотаютъ куски жаренаго гуся. На троттуарѣ противоположной стороны торговка овощами ежеминутно подходила къ дверямъ лавки, чтобы понюхать воздухъ — и облизывалась. Рѣшительно вся улица была поражена несвареніемъ желудка“...

Нельзя никакъ не согласиться, что въ настоящемъ случаѣ художественный „темпераментъ“ у Золя порядочно попользовался этимъ единственнымъ гусемъ! Можно подумать, что на блюдѣ былъ поданъ не гусь, а слонъ!..

У Золя замѣчается еще одна слабость — выражать символически мелкія черты реальнаго міра. Напримѣръ, вовсе не случайно вышло у него такъ, что гостиная семьи Ругоновъ въ Пласанѣ вся „приняла какую-то странную желтизну, отчего и была наполнена какимъ-то искусственнымъ и непріятнымъ для глазъ свѣтомъ. Мебель, шпалеры, занавѣски на окнахъ — все было желтое; коверъ, мраморъ на каминѣ и консоли — отдавали также чѣмъ-то желтымъ“. — Откуда же вся эта желтизна? — Желтое служить символомъ зависти!

Вотъ и еще примѣръ. Жервеза и Купо вѣнчаются посреди цѣлаго облака пыли, поднятаго мѣтлами; это опять не случай, а дурной знакъ для нихъ!

Такія мелкія символическія черты представляютъ иногда у Золя даже особенную красоту. Вотъ примѣръ изъ послѣднихъ его романовъ — изъ романа „l'Œuvre“. Художникъ Клодъ долженъ предстать съ своей работой на выставкѣ въ первый разъ. Золя описываетъ утро въ кабинетѣ Клода, въ самый день выставки: „Лепестки золота на рамѣ облупились; не зная, гдѣ достать денегъ на новую раму, Клодъ заказалъ столяру сколотить четыре планки и позолотилъ ихъ самъ“. На выставкѣ художникъ провалился, вслѣдствіе того, что публика оказалась глупою и дикою... Только одно существо серьезно вѣрило въ него; это — его другъ, Христина. Она ждала его въ рабочей комнатѣ въ то время, когда онъ, совсѣмъ разбитый, вернулся поздно ночью домой. До сихъ поръ она никогда не принадлежала ему; но теперь, тронутая его несчастьемъ, по свойственной женщинѣ потребности утѣшать и награждать, она отдалась ему „съ страстнымъ увлеченіемъ“.